

БОНДАРКО А. В.

ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
СООТНОШЕНИЯ СИСТЕМЫ И СРЕДЫ

К постановке вопроса. В языкознании давно уже укоренилось понятие «система». Однако в лингвистической теории не получило распространения понятие той же степени абстракции, которое бы обобщало разные типы окружений языковых объектов-систем. Между тем ясно, что все языковые системы и подсистемы функционируют и развиваются не в вакууме, а в определенных разновидностях языковых и речевых окружений. Вне соотношения с понятием, охватывающим все многообразие окружений систем в языке и речи, само понятие системы в лингвистике оказывается изолированным и статичным.

Лингвистическое истолкование понятия среды подготовлено длительной традицией изучения языковых системных объектов в их разнообразных окружениях. Естественная логика развития лингвистических исследований приводит к интеграции всех частных языковых и речевых окружений в обобщенном понятии среды. Эта линия обобщения находит опору в философском принципе системности, определяющем рассмотрение системы во взаимодействии с внешней средой [1].

Обращение к понятию «среды» имеет принципиальное значение для объяснения языковых систем. «Объяснению служит введение объясняемого явления в контекст окружающих его (в пространстве и времени) фактов...» [2]. Ни одна частная система в языке не может быть понята и объяснена, если ее анализ ограничивается внутрисистемными отношениями. Это относится и к языку в целом. Исследование приобретает необходимую объяснительную силу лишь в том случае, если изучение внутрисистемных отношений дополняется анализом отношений между системой и ее средой. Так, свойства грамматической категории как системы и закономерности ее функционирования могут быть поняты лишь при том условии, если будут раскрыты ее отношения: а) к лексическим значениям слов, б) к лексико-грамматическим разрядам, в) к другим грамматическим категориям слова и синтаксическим конструкциям, с которыми связана данная категория, г) к элементам окружающего контекста и речевой ситуации. Все эти отношения суть отношения между грамматической категорией как системой и ее средой.

Особый аспект соотношения системы и среды в языке — аспект генезиса и исторического развития языковых единиц и категорий во взаимодействии с изменяющейся и развивающейся средой. В частности, речь идет об отношении грамматической категории к той лексико-грамматической среде, в которой она зародилась и развивалась. Так, различные концепции происхождения славянского глагольного вида фактически включают вопрос о том, как и почему в лексико-грамматической среде аспектуальных разрядов, связанных с предельностью/непредельностью и определенностью/неопределенностью действия, зародилось грамматическое ядро вида. К данному кругу проблем относятся все исторические процессы грамматикализации, включающие зарождение и формирование грамматических категорий и единиц в лексической и лексико-грамматической среде.

Согласно теории системных исследований, система как множество элементов с отношениями и связями между ними, образующими определенную целостность, проявляет и формирует все свои свойства во взаимодействии со средой [3]. Взаимозависимость системы и среды рассматривается

как один из основных системных принципов, наряду с такими свойствами системы, как целостность и иерархичность [4]. Заметим, что в системных исследованиях понятие среды намечено лишь в самых общих чертах. В частности, недостаточно ясны аспекты соотношения системы и среды, связанные с признаками открытости/закрытости систем. Критерии определения этих признаков в общетеоретическом плане не выявлены (см. об этом [5, 6]).

Связи объекта с окружающей средой выдвигаются на передний план при исследовании систем с точки зрения их функций. Функциональный принцип предполагает рассмотрение целого как результата взаимодействия системы со средой. Само понятие функционирования (поведения) объекта включает его связи с окружающей средой [7]. Это относится и к функционированию языковых системных объектов.

Говоря о языковой единице как системе, мы имеем в виду целостные объекты (лексемы, грамматические формы, синтаксические конструкции и т. п.), представляющие собой упорядоченные множества содержательных элементов (содержательные целостные единства, имеющие определенную структуру), соотношенные с множеством элементов формального выражения. Системами являются не только языковые единицы, но также классы, категории и группировки, характеризующиеся различной степенью целостности. Они представляют собой разные типы объединений целостных объектов (в дальнейшем изложении учитываются существующие истолкования системы применительно к языку [ср. 8, 9], однако основное внимание сосредоточено на лингвистической интерпретации понятия среды).

Среда по отношению к той или иной языковой единице, категории или группировке как исходной системе трактуется нами как множество языковых (в части случаев также и внеязыковых) элементов (в рамках более широкой системы, вмещающей исходную, а также в различных смежных сферах), играющее по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которой эта система выполняет свою функцию.

Языковые и речевые явления, охватываемые понятием среды, хорошо известны в лингвистике (ср. суждения о контексте и речевой ситуации, о социальной обусловленности употребления слов, форм, конструкций и т. п.). В настоящей статье речь идет не о замене известных терминов каким-то новым, а об интеграции и обобщении отдельных окружений, давно изучавшихся в разных сферах науки о языке¹.

Понятие среды не сводится к той более широкой системе, в которую включается данный целостный лингвистический объект. Во-первых, к среде относятся не все элементы более широкой системы, а лишь те из них, которые представляют собой обуславливающее и обусловливаемое окружение исходной системы. В этом смысле среда имеет избирательный характер. Во-вторых, среда данной языковой единицы или категории обычно включает элементы разных систем, не обязательно связанные друг с другом. Их объединяет лишь то, что все они так или иначе взаимодействуют с исходной системой. В частности, окружение той или иной языковой единицы в парадигматической системе и ее окружение в речи (контекст) — это разные типы среды, не образующие единой системы.

Система и среда в их соотношении — это не самодовлеющие понятия. Они подчинены функции. Взаимодействие системы и среды направлено на реализацию той или иной функции. Отдельная изолированная частная система не может обеспечить реализацию функций, выполняемых в процессе общения, прежде всего функции передачи смысла высказывания. Для этого необходимо сочетание и взаимодействие данной частной системы с другими. В этом взаимодействии множества частных систем и их эле-

¹ Соотношение объекта и среды в аспекте общей системологии интерпретируется в работах Г. П. Мельникова [10, 11]. Заслуживают внимания суждения о среде (в частности, семантической и социальной), высказанные М. М. Маковским при анализе лексико-семантических систем в связи с социолингвистическими факторами [12, с. 40—46, 163—189]. В целом же понятие среды еще не стало органической частью лингвистической теории языковой системы.

ментов переплетаются роли системы и среды. Среда — понятие системно-функциональное. То, что мы называем средой, включает определенные частные системы, но по отношению к системе, являющейся основной, исходной в данной ячейке системно-структурной организации, они играют роль обуславливающего и обусловленного окружения, благодаря которому взаимодействующая с этим окружением исходная система может выполнять свои функции.

О системно-языковой (парадигматической) и речевой среде. Понятие «среда» применительно к языковым единицам и категориям охватывает два типа окружений: системно-языковые (парадигматические) и речевые. Имеются в виду: 1) окружение языковой единицы (класса, категории) в парадигматической системе языка, 2) окружение данной единицы в речи, т. е. контекст и речевая ситуация. Обращение к понятию среды позволяет интегрировать под единым углом зрения оба ряда окружений, обычно изучаемые раздельно. По существу подведение этих двух глубоко различных типов окружений (и типов отношений к окружениям) под единое обобщенное понятие представляет собой основной и решающий шаг анализа (и вместе с тем синтеза), ведущий к понятию среды в его лингвистической интерпретации.

Системно-языковой (парадигматический) тип среды и соответствующий тип отношения к исходной системе представлен, в частности, в соотношении грамматических категорий и лексико-грамматических разрядов. Последние могут воздействовать на грамматические парадигмы, определяя их полноту или неполноту. В этой связи можно указать на соотношение категории числа (система) и разрядов исчисляемых/неисчисляемых существительных (среда), соотношение категории степени сравнения (система) и разрядов качественных и относительных прилагательных, а также качественных и обстоятельственных наречий (среда). Ср. также зависимость системы видов от разрядов предельных/непредельных глаголов и связанных с ними способов действия. Все факты такого рода могут быть интерпретированы как представляющие парадигматический тип соотношения грамматических подсистем и их лексико-грамматической среды.

Парадигматический тип связи системы и среды выявляется на разных уровнях строя языка (ср. соотношение лексической единицы как частной системы с другими лексическими единицами, относящимися к тому же семантическому полю). Тот же тип парадигматических отношений (частная система — ее среда в рамках более широкой системы) представлен в сфере синтаксиса. Так, предложение включается в более широкую систему связанных друг с другом синтаксических конструкций, где все элементы, взаимодействующие с данной частной синтаксической системой, представляют собой ее среду.

Реальные процессы функционирования языковых единиц включают их взаимодействие с обоими указанными типами среды. Так, значения видовых форм испытывают на себе влияние семантики предельности/непредельности (что связано со средой в ее парадигматическом аспекте). Вместе с тем категориальные значения видовых форм подвергаются воздействию аспектуального контекста.

Как уже было сказано, понятие речевой среды охватывает две ее разновидности — контекст и речевую ситуацию. Последняя разновидность включает внеязыковые социальные факторы и их отражения в сознании говорящего и слушающего (ср. такие социолингвистические понятия, как социальная установка, статус и ролевые отношения участников коммуникативного акта [13, с. 69—86], социальная детерминация модели порождения речи [14]).

Говоря о системно-языковой среде как среде парадигматической, мы не случайно не назвали речевую среду синтагматической. Признак синтагматичности может быть отнесен к контексту (где синтагматические отношения выступают во взаимодействии с парадигматическими), но не к речевой ситуации. Вместе с тем признак синтагматичности важен для характеристики различий между контекстом и речевой ситуацией, т. е. внутренних различий в сфере речевой среды.

Трактовка контекста и речевой ситуации как двух разновидностей речевой среды, соответствующая давней практике сближения указанных понятий, основана на общности их функций по отношению к исходному системному объекту в сфере речи. Рассмотрим высказывание: *Иду я вчера по улице...* Воздействие элемента контекста *вчера* на значение формы настоящего времени аналогично воздействию речевой ситуации, исключаящей отнесенность действия к моменту речи и предполагающей его отнесенность к прошлому (ср. высказывание без элементов типа *вчера*: *Иду я по улице...* и т. п., где указанную функцию выполняет одна лишь речевая ситуация).

Помимо всего прочего контекст и речевую ситуацию сближает то, что в обоих случаях разная по своим источникам информация (контекстуальная и ситуативная), воздействуя на значение языковой единицы в конкретном акте ее функционирования, участвует в формировании смысла высказывания.

Вместе с тем рассматриваемые разновидности речевой среды существенно отличаются друг от друга: контекст представлен языковыми единицами и их сочетаниями, тогда как речевая ситуация выходит за пределы языка. По данному признаку контекст включается в понятие внутриязыковой среды (хотя и представляет ее речевую реализацию), а речевая ситуация относится к среде внеязыковой. Заместим, что внеязыковая среда не сводится к речевой ситуации: она включает не только ситуативные переменные, но и константные факторы социальной обусловленности языка как системы (ср. явления, охватываемые такими понятиями, как языковая и речевая общность [13, с. 69—75]).

Итак, речь может идти о двух членениях, проводимых на разных основаниях. Первое членение: среда системно-языковая (парадигматическая) — речевая (с внутренним разделением на контекст и речевую ситуацию). Второе членение: среда внутриязыковая (с внутренним разделением на системно-языковые парадигматические окружения и контекст) — внеязыковая (включающая речевую ситуацию).

Поскольку основания указанных членений различны, эти членения не противоречат друг другу. Так, контекст, с одной стороны, характеризуется как одна из разновидностей речевой среды, а с другой — как одна из разновидностей среды внутриязыковой (в первом случае контекст противостоит, вместе с речевой ситуацией, системно-языковым парадигматическим окружениям, во втором же случае он, вместе с системно-языковой парадигматической средой, противостоит среде внеязыковой, в частности, речевой ситуации). В целом для конкретного лингвистического анализа окружений наиболее существенным представляется их членение на окружения системно-языковые (парадигматические) и речевые.

О структуре среды. Языковая среда не является аморфной. Элементы среды, окружающей языковую единицу, — это, в свою очередь, частные системы, входящие в системы более общие и характеризующиеся определенной структурой. Поскольку состав компонентов среды определяется не с точки зрения ее автономных признаков, а со стороны исходной системы, среда может быть разнородной, т. е. включать элементы гетерогенных окружений, не образующих единой системы с единой внутренней структурой. Так, функционирование грамматических категорий (например, времени, наклонения, лица), рассматриваемых как исходные системы, осуществляется, с одной стороны, во внутриязыковой среде смежных грамматических и лексических явлений, а с другой — в среде, включающей внеязыковые социальные факторы. Элементы внутриязыковой и внеязыковой среды могут быть связаны друг с другом, но все же они не образуют единой гомогенной системы с единой однородной структурой.

Если система по самой своей сущности представляет собой целостное образование, то среда не характеризуется обязательным признаком целостности (хотя как частный случай целостная среда возможна). По разным признакам и разным аспектам взаимодействия исходная система может быть связана с разными и при этом разнородными плоскостями среды (ср. различие внутриязыковой и внеязыковой среды, о котором уже

шла речь выше). Ориентация на исходную систему, фокусировка со стороны системы, отсутствие обязательной автономной системно-структурной целостности — это важный дифференциальный признак среды в ее отношении к исходной системе. Здесь заложено различие в уровне (статусе) системности между исходной системой и ее средой. Если исходная система представляет собой целостную языковую единицу, категорию, группировку, т. е. характеризуется «сильной системностью», то среда может включать элементы разнородные и не связанные обязательно друг с другом, поскольку состав этих элементов определяется прежде всего их отношением к исходной системе. Среда может характеризоваться признаками раздробленности, рассеянности отдельных ее сфер, т. е. признаками слабой системности.

Принцип иерархии уровней в языковой системе общеизвестен. Тот же принцип действителен, на наш взгляд, и по отношению к среде: каждая частная языковая система определенного уровня (уровня фонемы, морфемы, слова, предложения) включается в более широкую систему того же уровня, элементы которой, взаимодействующие с данной частной системой, являются ее средой. Таким образом, среда в данном смысле имеет системно-структурную уровневую организацию, сопряженную с уровневой организацией частных систем в языке.

Вместе с тем среда отнюдь не обязательно относится к тому же аспекту языка, к которому принадлежит соответствующая система. Таковы соотношения грамматических систем и лексической среды, а также лексических систем и грамматической среды.

Наряду с соотношениями в рамках одного и того же уровня (фонемы, морфемы, слова, предложения) широко распространены разноуровневые соотношения системы и среды. Так, синтаксические системы на уровне предложения взаимодействуют с лексической средой, относящейся к уровню слова. Морфологические категории взаимодействуют с синтаксическими конструкциями, выступающими в роли среды. Межуровневые и разноаспектные парадигматические связи системы и среды дополняют, но не отменяют основной принцип уровневой иерархической организации среды в ее сопряженности с уровневой иерархией частных языковых систем.

Зависимость структурных свойств среды от ее отношения к исходной системе проявляется в членении «микро-/макросреда». Микросреда включает те элементы окружения исходной системы, которые непосредственно взаимодействуют с нею, тогда как макросреда охватывает более широкие и отдаленные области языковых и речевых явлений, затрагиваемых данной системой или опосредованно воздействующих на нее. Так, по отношению к категории времени в русском языке в микросреду входят элементы аспектуальности, таксиса и объективной модальности. К макросреде в данном случае относятся элементы таких полей, как залоговость, определенность/неопределенность, локативность. Поля количественности и качественности могут находиться как в ближайшем (непосредственном), так и в отдаленном (опосредованном) взаимодействии с видом и с аспектуальностью в целом. Здесь, как и в других случаях, проявляется неопределенность и подвижность границ между микро- и макросредой. Между крайними элементами этих сфер находится зона постепенных переходов.

Анализ микросреды в ее отношении к исходной системе связан с обращением к периферии языковых систем как к особому предмету исследования, существенному для понимания динамики системности в языке. Понятие макросреды также связано с периферией системы, но уже в более широком смысле: речь идет о периферии комплекса «исходная система — ее среда», о пересечениях с другими комплексами того же рода. На периферии языковых подсистем особенно наглядно проявляется неравномерность системных отношений в языке, где сферы наиболее интенсивных связей между языковыми единицами, классами и категориями сочетаются с зонами слабых связей и относительной изоляции отдельных элементов. Ср., например, изолированное положение в видовой системе современных славянских языков (на периферии этой системы) разрядов однонаправленных/ненаправленных глаголов движения типа *бежать* — *бегать*, *ехать* —

ездить, идти — ходить. Подобные факты представляют особый интерес с точки зрения анализа развития языковых подсистем, включая возможные диахронические перегруппировки элементов системы и среды, изменения границ между отдельными комплексами «система — среда» и т. п.

Границы между исходной системой и ее микросредой не всегда могут быть проведены однозначно. Так, одушевленность/неодушевленность имен существительных и переходность/непереходность глаголов в русском языке рассматриваются нами как оппозиции лексико-грамматических разрядов [15]. Однако эти оппозиции обладают и некоторыми признаками грамматических категорий [16]. Здесь можно видеть переходные явления между периферией системы грамматических категорий и парадигматической микросредой, представленной наиболее грамматикализованными оппозициями лексико-грамматических разрядов. Для границ макросреды также характерна размытость, постепенность переходов, в данном случае — от периферии среды исходной системы к другим системам с их средой. Так, неопределенна граница между периферийными способами действия (элементом среды по отношению к категории вида) и словообразовательными разрядами, не имеющими явных связей с видом (ср., например, словообразовательный тип глаголов со значением «повторно, заново, иногда по-новому, иначе совершить действие, названное мотивирующим глаголом» — *переплетствовать, перегруппировать, переучить* и т. п. [см. 17]).

Понятия микро- и макросреды относятся как к системно-языковым окружениям, так и к окружениям в речи (ср. известные понятия ближайшего и широкого контекста).

Относительность репрезентации системы и среды. Понятие среды приобретает определенный смысл лишь в отношении к той или иной исходной системе, в данном конкретном биноме «система — среда». Так, применительно к высказыванию — сверхфразовому единству среду составляют взаимодействующие с ним элементы более крупных фрагментов текста и текста в целом. В этих пределах размещаются элементы микро- и макросреды с постепенными переходами между ними. Однако в качестве исходной системы может рассматриваться не отдельное сверхфразовое единство, а комплекс таких единств — соответственно сдвигаются границы между системой и средой. В конечном счете как исходная система может интерпретироваться текст в целом [ср. 18, 19]. В этом случае в роли среды выступает «ситуация текста» в комплексе с обуславливающими ее социальными и социально-психологическими факторами.

Та или иная группировка языковых средств, которая по отношению к исходной системе включается в сферу среды, сама может рассматриваться (в другой связи) как исходная система, имеющая свою среду. Эти отношения создают сложную сеть переплетений ролей системы и среды в языке и речи.

Многое зависит от того, что берется за исходный пункт — грамматика или лексика. По отношению к грамматическим единицам и категориям в роли среды часто выступают лексические явления. Имеются в виду разнообразные проявления воздействия лексики на структуру и функционирование грамматических единиц: лексические ограничения, лексически обусловленная вариативность грамматических значений и т. д. С другой стороны, по отношению к лексическим единицам, классам и группировкам как системам в качестве среды могут выступать не только лексические, но и грамматические явления. Как известно, функционирование лексических единиц может быть обусловлено и ограничено определенными синтаксическими конструкциями. Последние в таких случаях выступают в роли среды.

Относительность репрезентации системы и среды может проявляться и в рамках грамматики. Приведем пример, иллюстрирующий в то же время многообразие разновидностей среды. Грамматическая категория в определенном типе ее функционирования может представлять собой своего рода позицию для функционирования другой категории. Например, тот или иной временной план может рассматриваться как позиция для функционирования видов. Так, в плане настоящего актуального возмож-

но употребление глаголов несовершенного вида (НСВ), тогда как план настоящего неактуального допускает и употребление совершенного вида (СВ), хотя и ограниченное. Как особые позиции, определяющие ряд особенностей функционирования форм СВ и НСВ, могут рассматриваться разные наклонения и типы модальных конструкций, включая конструкции с отрицанием, а также активные и пассивные конструкции. В подобных случаях взаимодействие грамматических категорий принимает особую форму: данная категория представляет собой систему, функционирующую в тех условиях, которые предоставляются другими грамматическими категориями и связанными с ними конструкциями, выполняющими по отношению к данной категории роль среды. С другой стороны, эти грамматические категории и синтаксические конструкции могут рассматриваться — в иной связи — как исходные системы в их отношении к тем или иным окружениям.

Вместе с тем в биноме «система — среда» далеко не все относительно. При взаимодействии частных систем проявляются некоторые устойчивые отношения системы и среды, зависящие от объективных признаков иерархии частных систем в их взаимосвязях. В определенной сфере языковых явлений одна частная группировка языковых средств, обладающая признаками большей стабильности, целостности, регулярности функционирования, явно выраженной внутренней системно-структурной организации, по этим объективно существующим признакам сильной системности, а также функциональной нагруженности и специализации выполняет роль исходной системы по отношению к другим группировкам языковых средств, которые находятся на более низкой ступени системной и функциональной иерархии.

Соотношение той или иной частной системы в языке и ее среды онтологически более жестко детерминировано в тех случаях, когда исходная система представляет собой «естественный» целостный лингвистический объект, т. е. объект с органичной целостностью. Ср., например, такие объекты-единицы, как словоформа, словосочетание, предложение в их отношении к контексту как среде. В тех же случаях, когда сама исходная система представляет собой объект с не столь явно выраженной целостностью (таковы, в частности, многие функционально-семантические поля, лексико-семантические группы и т. п.), отношение «система — среда» становится менее жестким и определенным, появляется возможность разных его истолкований (по разным признакам, учитываемым исследователями).

Принимая во внимание активную роль носеологической стороны, следует вместе с тем подчеркнуть первостепенную значимость объективных онтологических признаков соотношения системы и среды в каждом фрагменте системы языка и речи. Приведем пример. Способы действия могут рассматриваться исследователем как исходная частная словообразовательная система со своей средой (включающей определенные словообразовательные разряды и лексико-семантические группы). И все же в языках, где имеется категория вида, именно эта категория объективно играет роль основной, исходной системы в сфере аспектуальности, а способы действия попадают в число элементов среды. Таким образом, в подобных сферах языковых явлений существуют определенные объективные тенденции в распределении элементов по их принадлежности к системе и среде.

Комплекс «система—среда» и функционально-семантические поля. Для функционального подхода к строю языка особенно важен динамический аспект соотношения системы и ее окружения. Само понятие «функционирование языковых единиц» включает взаимодействие системы и среды. В теории функциональной грамматики отсюда вытекает постановка вопроса о тех единствах в строе языка, которые включали бы как данную грамматическую форму или категорию, так и ее среду. Такими единствами, на наш взгляд, являются функционально-семантические поля (ФСП)².

² Говоря о ФСП, мы имеем в виду двусторонние содержательно-формальные единства, формируемые грамматическими единицами, классами и категориями вместе с взаимодействующими с ними равноуровневыми языковыми средствами.

По отношению к грамматическим единицам, рассматриваемым в составе ФСП, среду в ее парадигматическом аспекте представляют языковые средства (грамматические, лексико-грамматические, лексические), взаимодействующие с данной единицей, т. е. воздействующие на эту единицу как систему и испытывающие на себе ее воздействие. Так, категория степеней сравнения прилагательных и наречий как система интегрирует взаимодействующие с нею элементы среды в рамках поля компаративности — семантико-функционального целого, вмещающего как данную систему, так и ее среду. Иначе говоря, взаимодействие системы и среды представляет собой важнейший интегративный фактор для формирования данного поля. То же относится и к другим ФСП.

Понятие среды по отношению к грамматическим единицам и категориям в составе ФСП пересекается, но не совпадает с понятием периферии. Последнее понятие предполагает аспект иерархии компонентов поля с точки зрения признаков наиболее специализированного и регулярного характера выражения той семантической категории, которая лежит в основе данного ФСП. Когда же речь идет о среде, то имеется в виду аспект вычленения в окружении грамматических единиц и категорий всего того, что на них воздействует и испытывает на себе их воздействие. В рамках полицентрического поля (ср., например, поле таксиса, членящееся на сферы зависимого и независимого таксиса) понятие среды охватывает не только периферию данной подсистемы, но и другие компоненты того же поля, в том числе и центральные. То или иное языковое средство в рамках данного ФСП может рассматриваться, с одной стороны, как компонент периферии поля, а с другой — как один из элементов среды по отношению к центральной исходной системе, причем эти характеристики в одних отношениях совпадают лишь отчасти, а в других отношениях дополняют друг друга. Взаимодействие системы и среды создает условия для реализации функций, охватываемых данным полем. Грамматические системы (одна или несколько), выступающие в роли центра взаимодействия и интегрирующие лексико-грамматические и лексические элементы среды, вместе с этой средой образуют ФСП.

В основе взаимных связей грамматических или максимально грамматикализованных частных систем в составе ФСП и других его элементов (в частности, лексико-грамматических и лексических), выступающих в роли среды, лежат фундаментальные семантические категории (аспектуальность, темпоральность, модальность, залоговость, локативность и т. д.). Представляя собой семантические инварианты, выступающие в различных вариантах, выражаемых языковыми средствами в составе ФСП, эти семантические категории обуславливают самую возможность функционального объединения структурно разнородных средств.

Связи системы грамматических единиц, классов и категорий с их лексико-грамматическим и лексическим окружением в рамках ФСП расширяют рамки грамматики. В ее сферу вовлекается все то, что взаимодействует с собственно грамматическими системами в области лексики и контекста.

Заключительные замечания. Понятие среды в его лингвистической интерпретации создает предпосылки для введения в проблематику системности в языке некоторых дополнительных вопросов. Вот некоторые из них: какие свойства данной языковой единицы, категории или группировки как системы проявляются и какие создаются во взаимодействии с системно-языковыми (парадигматическими) и речевыми окружениями; какая сторона взаимодействия единицы и ее окружения является в каждом конкретном случае ведущей, определяющей — сторона системы или сторона среды.

Могут быть поставлены и более общие вопросы, в частности: к каким результатам в целостной языковой системе (системе систем) приводит сложное переплетение и взаимодействие отдельных частных систем и их среды; может ли система языка в целом иметь равномерно регулярный и последовательный характер типа логически выдержанной «правильной» и жесткой схемы, если одни элементы общей системы в ее пределах выпол-

няют роль ее центральных опорных пунктов, а другие — роль их среды (в ряде случаев данная единица в одних ее связях может играть роль исходной системы, а в других представляет собой один из элементов среды по отношению к другой единице, категории или группировке (в процессе исторического развития языковой системы эти роли могут меняться); каковы закономерности формирования и функционирования центральных и периферийных компонентов частных и более общих систем в языке; каковы отношения между периферией системы и средой и т. д.

Существенно изучение взаимодействия системы и среды в историческом аспекте. Следует обратить внимание на различие между «порождающим фоном» (порождающей средой) и средой, обуславливающей уже возникшую и развивающуюся систему. Речь идет, в частности, о генезисе и историческом развитии грамматических категорий.

Те языковые средства, которые в процессе формирования данной грамматической категории играли роль «порождающей среды», в дальнейшем, на разных этапах развития стабилизирующейся категории-системы, могут сами изменяться во взаимодействии с нею. Эти средства становятся одним из элементов среды, обеспечивающей функционирование данной категории и в той или иной мере воздействующей на ее дальнейшее развитие. Так, глагольный вид, возникнув в общеславянский период в среде наиболее обобщенных способов действия и их группировок (порождающей среде), далее функционирует и развивается в тесной связи со способами действия, которые выступают в роли среды, обуславливающей функционирование и дальнейшее развитие видовой системы в славянских языках. При этом сама категория вида включается в число тех языковых средств, которые не только являются одной из частных систем, окруженных своей средой, но и играют роль среды для функционирования и исторического развития других грамматических категорий (таких, как время, наклонение, залог). Таким образом, среда в ее взаимодействии с языковыми системными объектами является одним из факторов формирования и исторического развития языковых единиц и категорий как систем.

Взаимодействие грамматической системы языка с лексико-грамматической и лексической средой при возможности исторических изменений (в частности, грамматикализации и лексикализации) свидетельствует об относительной открытости грамматической системы.

Разные внутриязыковые подсистемы по-разному взаимодействуют со средой. Специфическими особенностями в этом отношении отличаются, например, подсистемы морфологические, с одной стороны, и лексические, с другой. Необходимо осмыслить с точки зрения соотношения «система — среда» тот круг явлений, который давно изучается под углом зрения различий в степени проницаемости морфологических и лексических подсистем. Особого внимания заслуживают различия в отношениях «система — среда» в сферах языкового содержания и выражения. Во всех случаях, однако, сохраняется значимость общего понятия «среда», поскольку оно служит основанием для сравнения всех частных разновидностей языковых и речевых окружений.

Возникает вопрос: что является средой по отношению к языку в целом? Говоря в данной связи о социальных факторах, необходимо избежать упрощений и схематизма. Социальные факторы, связанные с языком, не могут быть сведены к функции внешней среды (см. справедливые суждения по этому поводу в [12, с. 124]).

Следует различать и вместе с тем соотносить а) языковые факты, рассматриваемые в социальном контексте, и б) социальные факты, анализируемые с учетом их соотношенности с языковыми явлениями [13, с. 70]. Первые охватываются понятием системы, вторые же относятся к социальной среде. То же следует сказать о фактах языковой системы, рассматриваемых в психологическом (психолингвистическом) контексте, и психологических фактах, соотношенных с элементами системы языка, но входящих в сферу среды.

«Человеческий фактор» заключен не только в функционировании элементов языка в речи и в речевой среде, но и в самой языковой системе.

Это относится, в частности, к лексическим и грамматическим значениям, отражающим мир с точки зрения человека. Так, отношение к моменту речи говорящего отражено в самой системе форм времени, ориентированных на этот исходный пункт. Точка зрения говорящего заключена во всех системах форм, репрезентирующих грамматические категории актуализационного типа, — таких, как время, наклонение, лицо. Факты подобного рода давно отмечались языковедами. Так, И. А. Бодуэн де Куртене, говоря о том, что в языковом знании отражаются те или иные отношения общественной жизни, природы и т. д., подчеркивал роль «принципа эгоцентризма» в значениях лица и времени [20]. Позиция говорящего представлена особым образом и в неактуализационных категориях. Так, различие в значениях активной и пассивной конструкций во многом связано с подходом говорящего к ситуации, заключающей элементы «субъект — действие — объект», либо со стороны субъекта — производителя действия (*Еще сильнее эту мысль выразил Л. Толстой*), либо со стороны объекта (*Еще сильнее эта мысль выражена Л. Толстым*). Отражение позиции говорящих и слушающих в языковой системе — это тот элемент значений языковых единиц, который в наибольшей степени подвержен воздействию со стороны социальных и психологических факторов внешней среды в процессах речи.

Воздействие элементов социальной среды в речи вполне согласуется с доступными для такого воздействия содержательными элементами в самой языковой системе. Ср., например, употребление форм 1-го л. мн. числа при обращении к собеседнику: — *Куда двигаем?* — *А куда надо, туда и двигаем*, — *отрезал чернявый* (Ф. Абрамов, Сан Саныч.); — *Александр Дмитриевич, я сейчас получила у математика «отлично»*. — Ага, — услышала я голос Расщепея, — *То-то! Можем, если захотим* (Л. Кассиль, Великое противостояние.). В данном случае актуализируется такой элемент социальной среды, как статус и ролевые отношения участников коммуникативного акта. Потенции подобного употребления рассматриваемых форм заложены в самой системе языка: значение формы 1-го л. мн. числа включает говорящего в семантический комплекс «имеющие отношение к действию». Это и открывает возможности для варьирования эмоционально-экспрессивных оттенков, зависящих от внешней среды (ср. отношения участников коммуникативного акта в первом примере, отношения взрослого и подростка во втором, отношения врача и пациента в случаях типа *Как мы себя чувствуем?* и т. п.).

Динамическая форма существования языковых подсистем в процессах мыслительно-речевой деятельности включает в себе психологический аспект и взаимодействует с социально-психологическими элементами вне языковой среды. В частности, при внутреннем программировании высказывания этап первоначального формирования речевого смысла и последующие стадии его становления включают выбор тех или иных средств, связанных с такими семантическими признаками, как будущее, необходимость, адресат, волеизъявление говорящего. При этом как сами комплексы семантических признаков, актуализируемых в высказывании, так и избираемые говорящим языковые средства с их значениями, уже включающими «человеческий фактор», испытывают на себе воздействие внеязыковой среды.

Таким образом, социальные и психологические аспекты находятся как бы внутри самой языковой системы в реальных динамических формах ее существования. Именно на этом фоне следует рассматривать взаимодействие языковой системы с теми факторами, которые коренятся во внешней (нередко лишь относительно внешней) среде.

Особой сложностью характеризуются соотношения системы и среды в сфере семантического содержания. В этой сфере «языковое» и «внеязыковое» находятся в отношении взаимного проникновения. Здесь трудно провести резкую грань между тем, что принадлежит системе языка, и тем, что относится к мышлению. В этой области (как, впрочем, и в других) слишком прямолинейные интерпретации соотношения системы и среды представляются неоправданными.

Для современной лингвистической теории характерно осознание значительно большей сложности языковой системы по сравнению с прежними представлениями и некоторыми до сих пор бытующими схемами. Эту тенденцию в осмыслении системности языка и речи отражает и наша интерпретация соотношения системы и среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Б. Г. Философский принцип системности и системный подход.— ВФ, 1978, № 8.
2. Берж А. И., Бирюков В. В. Познание сложных систем и проблема нетранзитивности научного объяснения.— В кн.: Философско-методологические основания системных исследований. Системный анализ и системное моделирование. М., 1983, с. 20.
3. Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970, с. 19.
4. Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 610.
5. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М., 1974, с. 211—224.
6. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978, с. 167.
7. Марков Ю. Г. Функциональный подход в современном научном познании. Новосибирск, 1982, с. 3, 14.
8. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. 2-е изд. М., 1978.
9. Мельничук А. С. Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма.— В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
10. Мельников Г. П. Системный подход в лингвистике.— В кн.: Системные исследования. 1972. М., 1972, с. 187—191.
11. Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978, с. 18—34.
12. Маковский М. М. Системность и асистемность в языке. Опыт исследования антиномий в лексике и семантике. М., 1980.
13. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. Теории, проблемы, методы. М., 1976.
14. Теоретические проблемы речевого общения. М., 1977.
15. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976, с. 184—189, 238—241.
16. Лопатин В. В.— ВЯ, 1979, № 2.— Рец. на кн.: Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
17. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980, с. 365.
18. Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983.
19. Лингвистические вопросы алгебраической обработки сообщений. М., 1983, с. 96—112.
20. Бодуэн де Куртене И. А. Язык и языки.— В кн.: Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963, с. 79—81.